

Трагедия Горького глазами эмигрантов

Готовится к изданию сборник мемуаров к 130-летию великого пролетарского писателя.

Вадим БАРАНОВ, доктор филологических наук

Кто из русских писателей занял самое заметное место в исторической памяти эмигрантов? Парадокс: великий пролетарский писатель Максим Горький! К его личности обращают свой взор политические деятели — эсерка Е.Кускова и меньшевики В.Валентинов и Б.Николаевский, отколовшийся от большевизма Ф.Раскольников, автор гневного обличительного письма Сталину; писатели М.Алданов, И.Бунин, З.Гиппиус, Е.Замятин, Б.Зайцев, А.Ремизов, В.Ходасевич; художники и артисты Ю.Анненков, Д.Бурлюк, В.Григорьев, К.Коровин, Ф.Шаляпин; ученые — химик Б.Ипатьев и медик И.Манухин. Воистину блистательное созвездие имен! Какими же красками они, не принявшие революцию, а порой и яростно отрицавшие большевистскую власть, рисовали портрет буревестника этой революции, писателя, согласно распространенным в ту пору (да, впрочем, и сейчас) представлениям, пошедшего на сговор со сталинским режимом? Да ко всему прочему весьма нелестно отзывавшегося о литературе эмиграции.

С высоты нобелевского лауреатства

Отдавая должное дарованию и иным человеческим качествам, мемуаристы порой делали немало, чтобы вырвать из читателя стойкую неприязнь к нему. Вот какие колоритные подробности использует И.Бунин, описывая наружность молодого Горького: «ступая с какой-то «воровской щеголеватостью», «небольшой лоб, низко заросший волосами... был морщинистым, как у обезьяны», скулы «выдавались совсем по-татарски», в выражении лица мелькало «нечто клоуновское»... Но что там наружность! И мировую славу Горького считает Бунин «беспримерной по незаслуженности, основанной на безмерно счастлимом для ее носителя стечении не только политических, но и весьма многих других обстоятельств».

Послушаем, однако, другого мемуариста-эмигранта. Живший под одной крышей с Горьким два с половиной года В.Ходасевич утверждает нечто прямо противоположное. По «степени его известности во всех частях света» «не мог с ним сравниться ни один из русских писателей».

Другой бунинский аргумент: неосведомленность публики в горьковской биографии. Следует пример: он вовсе не «босьяк, поднявшийся со дна моря народного», а человек из среды «вполне буржуазной»: отец — управляющий большой паровой конторы». На самом деле «большая контора» (наверное, все-таки компания) — всего лишь дебаркадер, пристань.

Не выговорившись до конца, Бунин обращается к Горькому в очерке о Маяковском. «...Думаю, что Маяковский останется в истории литературы большевиков лет как самый низкий, самый циничный и вредный слуга советского людоеда по части литературного восхваления и тем самым воздействия на советскую чернь, — тут не в счет только один Горький, пропаганда которого с его мировой знаменитостью, с его большими и примитивными литературными способностями, как нельзя более подходящими для вкусов толпы, с огромной силой актерства, с гомерической живостью и беспримерной неумолимостью в ней оказалась такую страшную преступную помощь большевизму поистине «в планетарном масштабе».

Явную пристрастность бунинских характеристик объясняет и борьба за приоритет, за лидерство в русской литературе (хотя к моменту написания очерка о Горьком Бунин уже получил Нобелевскую премию).

Заметим, впрочем, что эмиграция не была на сей счет абсолютно единодушна. Например, М.Цветаева отдавала безоговорочное предпочтение Горькому, говоря: «И больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее — Горький. Горький — эпоха, а Бунин — конец эпохи» (1933 г.).

Но, может быть, Бунин просто допустил полемический перебор и лишь в заостренной форме выразил то, о чем думали многие в его среде?

В чем суть очарования

Еще не просохла чернила бунинской рукописи, а уже выводил своей удивительной вязью строки другой писатель, заброшенный в Париж, — Алексей Михайлович Ремизов. «Суть очарования Горького именно в том, что в круге бестий, бесчеловечья и подчеловечья заговорил он голосом громким и в новых образах о самом нужном для человеческой жизни — о достоинстве человека... Место его в русской литературе на виду».

Черты искренней влюбленности в Горького как в Личность носят обширные воспоминания Анастасии Цветаевой, гостившей в Сорренто, и в какой-то мере объясняющиеся «культом» Горького, сложившимся в семье, тем, что она глядела на писателя глазами старшей сестры.

Футурист Давид Бурлюк заявляет, «окидывая взором могучую фигуру великого народного писателя»: «Что поразило в Горьком — это связь его с народом. Горький — человек новой России, в нем воплощение ее воли и дерзаний».

С огромным уважением пишут о Горьком Ю.Анненков, К.Коровин, Е.Замятин. Спокойно, аналитично, со стремлением постигнуть загадку горьковской судьбы — В.Валентинов, Б.Зайцев, фрейлина Ю.Данзас, И.Манухин и другие.

Подводя итог своим впечатлениям от встреч с лидерами русского зарубежья, российский ли-

тератор Д.Лутохин высказался следующим образом: «Навешало Горького. — Вот первый действительно сильный человек, с которым сталкиваюсь за рубежом. — Интересуется Западом, в курсе и литературных, и научных, и политических дел. Отсутствует интерес к дрягмам, нет желания играть роль, поражает безмерная любовь к культуре и стремление сделать все, что в силах, для родного народа. Гулливер среди пигмеев».

Гулливер среди пигмеев... Этого отзыва не мог знать Б.Пастернак, потому что затерялся он в бумагах. Тем более показателен масштаб измерения личности Горького поэтом: «океанический человек».

Попытки постижения

Каковы же были побудительные мотивы его тяги в СССР?

Любовь к Родине, к России. А еще — к Волге. К любимой реке Максимовича, взрастившей его, считает Ф.Шаляпин в своем очерке, родившемся как отклик на известие о смерти писателя.

Но были и объяснения совсем иного рода. За рубежом иссякали и слава, и материальный достаток (а при Горьком всегда обитало множество родственников, домочадцев, приживалов, гостей). Положение можно было поправить лишь в России. Среди наших современников из третьих или четвертых эмиграции соображениями личной выгоды, «корысти» объясняет возвращение А.Солженицын. В своем знаменитом «Архипелаге» он пишет: «...за деньгами и оживлением славы надо возвращаться в Союз и принять все условия». Авторитет этого героического человека, главного обличителя сталинского беззакония, оказался столь велик, что многие приняли его оценку без каких-либо поправок. Уточнить картину помогают не какие-то ортодоксальные литературоведы большевистской заправки, а... эмигранты.

Поправка первая — относительно материального благополучия. Делает ее В.Ходасевич. Мы не забыли, что в Италии жил он под одной крышей с Горьким. Пути их довольно скоро круто разошлись, даже прервалась переписка. Как писал Марк Вишняк, редактор ведущего эмигрантского журнала «Современные записки»: «От Горького к Гукасову — так схематически может быть обозначен мучительно трудный эмигрантский путь Ходасевича...» (Гукасов — редактор типично эмигрантской газеты «Возрождение»). Тем выше цена объективности позднейшего свидетельского показания поэта.

«Больше тридцати лет в русском обществе ходили слухи о роскошной жизни Максима Горького... решительно заявляю, что в годы мой с ним близости ни о какой роскоши не могло быть и речи. Все рассказы о виллах, принадлежавших Горькому, о чуть ли не оргиях, там происходивших, — ложь, для меня просто смешная, пораженная литературной завистью и подхваченная политической враждой».

Поправка вторая — о честолюбии. «В отличие от очень многих он не гонялся за славой и не томился заботой о ее поддержании; он не пугался критики... он не искал поводов удостовериться в своей известности, может быть, потому, что она была настоящая, а не дутая... Я не видел человека, который бы носил свою славу с большим умением и благородством, чем Горький».

Тем убийственное выглядит, однако, вывод, который делает сам Ходасевич во втором своем очерке о Горьком, написанном в 1939 году.

«...Он некогда усвоил себе свой собственный «идеальный», отчасти подлинный, отчасти воображаемый образ певца революции пролетариата. И хотя сама революция оказалась не такой, какую он создал своим воображением, — мысль о возможной утрате этого образа, о «порче биографии», была ему нестерпима. Деньги, автомобили, дома — все это было нужно его окружающим. Ему самому было нужно другое. Он в конце концов продался, — но не за деньги, а за то, чтобы для себя и для других сохранить главную иллюзию своей жизни. Упрямясь и бунтуя, он знал, что не выдержит и бросится в СССР, потому что, какова бы ни была тамошняя революция — она одна могла ему обеспечить славу великого пролетарского писателя при жизни, а после смерти — нишу в кремлевской стене для урны с его прахом. В обмен на все это революция потребовала от него, как требует от всех, не честной рабо-

Фото из архива «Известий»

ты, а рабства и лести. Он стал рабом и льстецом».

М.Вишняк свидетельствует: «Ходасевич от природы был существом недостаточно социальным... Он не без удовольствия высмеивал всякую общественность». Горький, напротив, всегда был человеком социальным.

Азия или Европа?

В эмигрантской среде нашлись два человека, которые, с моей точки зрения, ближе других продвинулись к разгадке причин, побудивших Горького вступить в прямое сотрудничество с Советами. Эти люди общались с Горьким в течение долгих лет. Один из них — В.Валентинов (Н.Вольский), до революции меньшевик, потом — невозвращенец. Другой — доктор И.Манухин, лечащий Горького.

Очерк В.Валентинова (1947) пронизывает одна идея. Выходец из низов, Горький превратился в фанатичного приверженца идеи просвещения масс, окультуривания народа, преодоления в нем темноты, отсталости — всего того, что он считал проявлением азиатчины.

«Лозунг «Стать Европой» я слышал от Горького в течение 1914—1916 гг. множество раз. Это был его постоянный рефрен... И когда ему приходилось пояснять, что значит быть Европой, он неизменно отвечал: быть не рабами, а людьми свободными, уметь работать, быть культурными и знать. Слова *знать, просвещать* не сходили с его языка... Политиком он не был и не хотел быть. Он хотел быть идеологом-просветителем. Уехав из России в черной нижегородской рубахе без галстука, он возвратился в европейском костюме». «Я ведь был деклассированный, — говорил он мне. — Был вне общества. Мне труднее, чем неаполитанскому босьяку, было усвоить, что такое культура и что по-настоящему переделять социальную жизнь можно лишь при свободе знания, любовью к работе, страстью к делу».

Как известно, Горький чрезвычайно опасался разрушительного воздействия революции на судьбы культуры. Отсюда его резкая полемика с большевиками в «Несвоевременных мыслях» 1917—1918 гг. Свидетельствует И.Манухин:

«Он был событиями (октября. — В.Б.) озлоблен, им не доверял и с ними идти не хотел. И если по тому... решил из своего угла выйти, то с задней мыслью — не испровергая власть, на нее воздействовать. «Довольно отсиживаться! Социалистическая демократия должна войти в ряды большевиков и незамедлительно окружить. Надо пострадать на них влиять, иначе они непоправимым глупостью наделают; они уж и сейчас «черт знает что натворили», — озабочено говорил он. Так возник у него план «окружения большевиков». В реальности это означало посадить на плечи рабоче-крестьянской солдатчины интеллигенцию всех толков и этим спасти страну от гибели, а революцию — от контрреволюции».

И.Манухин выдвигает парадоксальный тезис: «Своего деятельность при новой власти» великий пролетарский писатель начинает... «роль заступника за гонимую буржуазию».

Мемуаристы (например, ученый Д.Беляев) свидетельствуют, что Горький хлопотал перед властью, перед Лениным о спасении членов царской фамилии, великих князей. Одному из них, великому князю Гавриилу Константиновичу, освобожденному из тюрьмы и спасенному от гибели по ходатайству Горького, он дал приют в своем доме на Кронверском, а потом выхлопотал разрешение на выезд за границу. Так же, как фрейлину императрицы Ю.Данзас, профессору Петербургского университета, досрочно освобожденной по его ходатайству из соловьихих лагерей.

От литературы к дипломатии и политике

Стремясь к окультуриванию страны, Горький полагал, что знания интеллигенции, ее таланты, опыт науки и искусства должны на чаше весов исторического выбора перевесить анархию и бескультурие. Теперь мы отлично понимаем, сколь утопичным изначально было это намерение. «Окруженными» оказался он сам и ему подобные. А место анархии заняла вскоре железная диктатура, взявшая интеллигенцию за горло.

Отдавая должное Горькому как автору «Несвоевременных мыслей», многие до сих пор считают, что с возвращением в Россию в 1928 году он сдался на милость победителя, стал высокопоставленным прислужником режима.

Наибольший вклад в распространение этой легенды внес Сталин, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти и подчинивший себе весь агитационно-пропагандистский аппарат.

«В год своего шестидесятилетия, т.е. в 1928 г., Горький начал на несколько месяцев приезжать в Россию, а в 1932 г. в ней окончательно осел, — пишет В.Валентинов. — Его «европеизм» был уже совсем не ко двору в эпоху пятилеток. Приспосабливаясь к обстановке, созданной Сталиным... Горький принуждался ампутировать, скрывать, извращать целые

части своего мировоззрения».

Вынужденный считаться с реальностью, Горький все свои силы продолжал прикладывать к тому, чтобы «очеловечивать», либерализовать режим, облегчить участь и условия труда интеллигенции, и прежде всего писателей. Бесценными являются суждения Е.Замятина, опубликованные во Франции (1936). Он регулярно встречался с Горьким в пору, когда тот хлопотал перед вождем о разрешении на выезд опального писателя за границу (отъезд произошел в 1931 г.). В очерке Е.Замятина читаем: «...Для всех советских писателей не коммунистов, а только «попутчиков», самым тяжелым периодом были годы 1927—1932. Советская литература попала под команду — иного выражения нельзя подобрать — организации «пролетарского писателя» (на языке советского кода — «РАПП»). Их главным талантом был партийный билет и чисто военная решительность. Эти энергичные молодые люди взяли на себя задачу немедленного «перевоспитания» всех прочих писателей... При встречах мне не раз приходилось говорить об этом с Горьким. Он молча курил, грыз усы. Потом останавливал меня: «Подождите. Эту историю я должен для себя записать». Смысл этих записей стал для меня ясен только гораздо позже, в 32-м году. В апреле этого года, неожиданно для всех, произошел подлинный литературный переворот: правительственным декретом деятельность «РАППа» была признана «препятствующей развитию советской литературы», организация эта была объявлена распущенной. Это не было неожиданностью только для Горького: я совершенно уверен, что этот акт был подготовлен именно им, и он действовал, как очень искусный дипломат».

Ю.Анненков высказывает свой взгляд на природу нового творческого метода, утвержденного писательским съездом. «Теперь мы часто читаем в советской прессе, даже в зарубежных русских журналах, что Горький является предтечей и основоположником «социалистического реализма». Это совершенно неверно, и я встаю против подобной клеветы. Я помню одно издательское собрание, руководимое Горьким, несколько месяцев после Октябрьской революции... Горький... был категоричен: — Лучше — самый отвратительный футуризм, чем коммерческий реализм, — заявлял он... Идейную подчиненность он считал оскорблением для человека. Прямою линией он все время заставлял вибрировать, как струну».

Особое значение для понимания трагедии Горького имеют воспоминания Б.Николаевского (1887—1966). Выданный меньшевизмом, он выступал против подавления тамбовского и кронштадтского восстаний. Был арестован в 1921 г. и заключен в Бутырскую тюрьму. Освобожден лишь после длительной голодовки. В 1922 г. выслан за границу.

Б.Николаевский пользовался популярностью из первых рук, — от Бухарина, командированного за границу. Его публикация в меньшевистском журнале «Социалистический вестник», выходившем в Берлине, имеет чисто политический характер, и имя Горького встречается в ней не так часто. Но всякий раз — рядом с именем Кирова, убитого в декабре 1934 г. Оба они фигурируют как союзники, последовательно ориентировавшиеся на послабление жесткого режима в стране, на переход к демократическим методам правления.

Оценивая Горького, увиденного глазами эмиграции, читатель мог бы, ознакомившись не только с цитатами, но и с текстами мемуаров (они войдут в большой однотомник «Жизнь и смерть «океанического человека». М.Горький в мемуарах современников», который готовится в одном из столичных издательств к 130-летию со дня рождения классика). Однако и из сказанного можно сделать важный и неожиданный вывод: русское зарубежье (так же, как и капиталистический Запад) сумело оценить заслуги Горького перед отечественной и мировой культурой значительно выше и объективнее, чем наша пресса периода перестройки и демократизации. Если судить по ряду публикаций, можно подумать, что ныне сами масштабы измерения наследия крупнейших писателей, пользовавшихся официальным признанием, меняются. И Горький, Маяковский, А.Толстой, Шолохов — вроде бы уже не классики. А их место должны занять другие, тоже чрезвычайно талантливые писатели, но претерпевшие гонения от тех же властей. Что и говорить, возрождение имен, подвергавшихся ранее забвению, факт глубоко отрадный, своего рода знамение времени. Но не слишком ли прямолинейно, не отдаст ли догматичностью принцип «или—или»?

Взять того же Горького. Достаточно ли бережно относимся мы, русские, к тем великим культурным ценностям, которые были накоплены в годы послеоктябрьского развития, годы, безусловно исполненные тяжких противоречий, стоившие народу множества жертв?